

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Кикило Натальи Игоревны
на тему: «Независимые да-конструкции в македонском и сербском
языках (статус, значение и функционирование)»
по специальности 10.02.03 – «Славянские языки»

Диссертационное исследование Натальи Игоревны Кикило имеет своим объектом македонские и сербские независимые *да*-конструкции, изучаемые на предмет их системного статуса, формальной структуры, спектра значений, коммуникативного потенциала, прагматических условий употребления и иных особенностей функционирования в указанных двух южнославянских языках (ср. с. 6). Задачи исследования поставлены правильно, цель работы можно считать достигнутой. Диссертацию отличает научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность. Примененные методы исследования в целом адекватны материалу. Работа прошла всю необходимую апробацию.

Структура диссертационного исследования логична, отражает сущностные характеристики объекта исследования; изложение разворачивается последовательно и логично, обращаясь к частному и общему в верном соотношении. В следующей за «Введением» первой главе ставится важная теоретическая проблема определения системного статуса *да*-конструкций в избранных для изучения языках. Расширение функционального спектра *да*-конструкций в этих языках и изменение их морфосинтаксических характеристик по сравнению с праславянским состоянием верно рассматривается как одна из балканизирующих грамматических инноваций. Автор принимает ту распространенную точку зрения, что инвариантным для этих конструкций является значение нефактивности. В научной литературе нет единства мнений по вопросам о

статусе элемента *да* и статусе независимой *да*-конструкции, а также до настоящего времени не были подробно исследованы формальные, семантические и функциональные различия между *да*-конструкциями в македонском и сербском языках. Значительное внимание уделялось аналогичным вопросам в болгаристике, теоретические достижения которой в достаточной мере учитываются автором. После подробного рассмотрения в «Главе 2» вопроса об условности классификации *да*-конструкций на зависимый и независимый типы, автор убедительно обосновывает выбор независимого типа в качестве основного объекта исследования в работе. «Глава 3» посвящена независимым *да*-конструкциям с императивным значением. Анализ предшествующих исследований по семантике императива позволил автору рассмотреть систему императивных форм и конструкций в македонском и сербском языках на фоне частных семантических интерпретаций императивного значения. Вне отрицания *да*-конструкции вступают в системное взаимодействие с формами повелительного наклонения в обоих языках во 2-м лице, а в сербском - и в 1 л. мн.ч. Косвенное повеление в 3-м л. наряду с *да*-конструкциями выражается конструкциями с частицей *нека* и безличными пассивами. У первых двух конструкций имеется оптативное значение, у *нека* - также и пермиссивное и нонкуративное. В 1-м л. ед.ч. *да*-конструкции используются со значением намерения, опосредованной каузации действия и в императивных вопросах. При отрицании *да*-конструкции в обоих языках вступают в системное взаимодействие с прохибитивными *немој(те)*-конструкциями. Императивная *да*-конструкция имеет маркированные формальные и семантические подтипы, например *да* + перфект в сербском языке (со значением строгого повеления или эмфатического запрещения) и *да* + имперфект в македонском языке (со значением вежливой просьбы). Наконец, в обоих языках имеются *да*-конструкции с дискурсивной функцией. «Глава 4» посвящена независимым *да*-конструкциям с оптативным значением. Анализ научной литературы по семантике императива предоставил автору возможность

углубиться в семантику оптатива как совокупности ряда частных значений, соотносимых с гипотетическими и контрфактивными ситуациями, и исследовать на этом фоне македонские и сербские оптативные *да*-конструкции. Отдельно рассмотрена проблема интерпретации *да*-конструкций в качестве условных и/или оптативных. «Магическому» оптативу посвящен отдельный раздел работы. «Глава 5» посвящена независимым *да*-конструкциям в вопросительных высказываниях, а именно императивным, эхо- и рефлексивным вопросам с *да ли*, а также частным вопросам с неодушевленным вопросительным местоимением и риторическим вопросам. В «Главе 6» *да*-конструкции македонского языка рассматриваются на фоне средств выражения категории эвиденциальности. Типологические характеристики средств выражения эвиденциала в македонском языке, подтипы эвиденциальных значений и взаимодействие эвиденциальности и модальности нашли свое рассмотрение в отдельных главах. *Да*-конструкция македонского языка исследована на фоне косвенных эвиденциалов в таких сегментах грамматической системы, как пересказ повеления, модализация косвенных эвиденциалов, вопросительные конструкции, адмиратив.

Каждая глава начинается с ясных, непротиворечивых и современных определений исследуемых категорий (прежде всего - императив, оптатив, эвиденциал), краткого информативного обзора истории изучения каждой категории в южной славистике, русистике и лингвистической типологии, перечисления соответствующих теоретических и терминологических проблем, описания формальных средств выражения, перечисления типов и подтипов выражаемых значений, обсуждения взаимодействия грамматических категорий, обязательности или факультативности категориальных и субкатегориальных значений в зависимости от контекста высказывания и самой ситуации. К достоинствам работы относится полное знакомство автора с имеющимися в литературе по македонскому, сербскому

и болгарскому языку точками зрения, последовательное применение достижений типологического языкознания и сопоставление фактов южнославянских языков с фактами русского языка при использовании удачных решений ведущих русистов, в т.ч. терминологических (например, с. 118).

В «Заключении» суммируются результаты авторского исследования и делаются итоговые обобщения о статусе *да*-конструкций в македонском и сербском языках. В «Приложении» приведена часть материала исследования.

В список использованной в диссертации литературы входит 245 единиц на русском, славянских и западноевропейских языках. Вся эта литература критически осмыслена, а ее наработки верно применены автором, демонстрирующим действительно глубокое, соответствующее современному уровню развития науки понимание фундаментальных и актуальных проблем славянского языкознания. Обращение к работам предшественников оформлено совершенно корректно. На фоне безукоризненно глубокой эрудированности автора можно лишь сожалеть о том, что в диссертации оказались не востребованными «*Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax*» Радослава Вечерки, «Курс общей морфологии» И. А. Мельчука, «*The Synchrony and Diachrony of the Balkan Infinitive*» Брайана Джозефа, «Словарь Сербской академии наук и искусств», а также «Словарь Югославянской академии наук и искусств».

Результаты работы корректно и достаточно полно отражены в журнальных публикациях по теме и в автореферате. Там же наглядно в форме таблиц (хотя и не без лакун) представлены различия и сходства между двумя изучаемыми языками.

Избранная тема актуальна, что подтверждается количеством и качеством соответствующих публикаций в мировой науке. Выбор пары языков для сопоставления удачен. Работа полностью оригинальна с точки

зрения как собранного материала, так и его анализа и синтетических обобщений. Выводы согласуются с результатами работ предшественников, дополняют и модифицируют их (ср. «Независимый тип ДАК не рассматривается (в сербистике - А.Н.С.) как цельная единица с определенным набором нефактивных значений» (с. 51) и «независимая ДАК (в сербском языке - А.Н.С.) представляет собой не аналитическую форму глагола, но **синтаксическую конструкцию**» (с. 202)). Положения, выносимые автором на защиту, а также частные и общие выводы работы обоснованы, полностью достоверны и новы. Язык работы научный, профессиональный.

В диссертации сделана заслуживающая признания попытка преодолеть тот фундаментальный вызов (англ. challenge), что за да-конструкцией не стоит ни ряд противопоставленных форм (как, например, в албанском и румынском языках), ни особая семантическая категория (как, например, за императивностью или оптативностью). Кроме того, да-конструкции в балканских языках могут быть фактивными, а нефактивное (ирреальное) значение могут иметь и формы индикатива, напр. аорист (макед.) *Те фатив, те убив!*

Автор взвешенно подходит к теоретическому вопросу об «адаптивности» да-конструкции «к самым разным синтаксическим позициям в балканославянских языках» в силу ее финитности (с. 54). (Хотя это обобщение можно релятивизировать, обратив внимание на то обстоятельство, что и инфинитив, и (дее)причастие, и отглагольное существительное (с. 59) в славянских языках не менее адаптивны и полифункциональны). Действительно, верно отмечено автором: «нельзя утверждать, что финитная ДАК обладает каким-либо семантико-синтаксически преимуществом перед инфинитивом» (с. 24). Толкование данного вопроса зависит от понимания языковой сложности и различий в

затратах на кодирование и декодирование сообщения в ситуации одно- или многоязычия, например балканского.

Удачны многие разделы диссертации, в частности «3.3. Дискурсивные ДАК», где успешно объединен грамматический и фразеологический анализ идиоматизированных (в разной степени) инструментов структурирования дискурса. Интересны частные наблюдения о переключении между диалогическим и нарративным режимом в разделе 3.4. Типичный для работы вывод звучит, например, так: «Хотя в грамматических описаниях македонского и сербского языков аналитическая ДАК второго лица представляется как изофункциональная синтетическому императиву форма, она ему не эквивалентна (ср. каузация немедленной реакции адресата), не заменяет его в любых позициях (в идиоматических выражениях, гномическом императиве в пословицах и поговорках, синтаксических фразеологизмах), а также имеет свой круг контекстов, в которых ее употребление будет предпочтительней (строгое приказание, каузация необходимого действия)», с. 76. Работа отличается глубоким пониманием сути грамматических явлений. Наблюдения автора документированы надежными примерами, которые в соответствии с традицией отечественной славистики не глоссированы. Важная положительная и интересная сторона работы - глубокий разбор целого ряда примеров с усмотрением значений, их оттенков, коннотаций и проч. Общее количество приведенных в работе примеров - 407 единиц.

Красит работу наличие указаний на вопросы славянской грамматики, не имеющие в настоящее время «теоретического и функционального решения» (с. 57-58) и тем самым открывающие перспективы дальнейших исследований. К ним относится, например, «условность синтаксического параметра подчиненности *да*-конструкции» в случаях, когда «тип ДАК определяет единственно интонационный рисунок высказывания и прагматический контекст, которого тоже не всегда достаточно». Сюда же

отнесем «вопрос, являются ли конструкции со значением желания результатом процесса «расподчинения» условных клауз... или оптативная семантика в глагольных сочетаниях с элементом *да* была первичной и влияла на формирование системы гипотаксиса в македонском и сербском языках...» (с. 158). Автор обладает ясным пониманием, какие направления будущих исследований наиболее перспективны, и мы вправе ожидать новых полезных профессиональных публикаций на обозначенные темы.

В ходе ознакомления с работой возник ряд вопросов, не представляющих собой критических замечаний.

1) Не будет ли полезным уточнение в названии работы того обстоятельства, что изучаются модально-темпоральные системы именно *стандартных (литературных)* македонского и сербского языков, а не их некодифицированных, например диалектных форм?

2) Можно ли дополнить выдвигаемую в начале исследования гипотезу о том, что «...сравнение значений и употреблений независимой ДАК в двух языках покажет, как далеко продвинулся процесс грамматикализации конструкции в македонском языке на фоне ее функционирования в сербском» (с. 6), упоминанием «формальных, структурных характеристик» конструкций, которые в работе также сопоставляются и даже служат основным аргументом при определении статуса *да*-конструкции в качестве (полностью) грамматикализованной формы или свободного синтаксического построения?

3) Можно ли распространить выносимое на защиту положение «конструкции с союзной частицей *да* входят в ряд конкурирующих на синхронном уровне форм, выражающих сходные или тождественные модальные значения», на оба изучаемых языка?

4) С учетом приведенных в диссертации многочисленных частных наблюдений, можно ли обобщить, какова именно роль формального левого и

правого контекста, обуславливающего употребление *независимой да*-конструкции (наряду с семантикой ситуации, вполне обоснованно выдвигаемой автором на первый план)? В частности, на с. 38 упоминается «сильная зависимость семантики ДАК от контекста», которая «влияет на то, что значения в рамках одной парадигмы весьма различны». Более того, употребление независимых *да*-конструкций вне соответствующего контекста в ряде значений (например, в адмиративном и, вероятно, в ренарративном) просто невозможно. Можно ли обобщить и семантически интерпретировать «ограничения, накладываемые на выбор глагольных форм после *да*», прежде всего форм вида и времени (например с. 9, 21)? Можно ли обобщить роль интонации в формировании спектра значений независимых *да*-конструкций?

5) По каким причинам анализу целого ряда *да*-конструкций македонского и сербского языков в работе не были посвящены *самостоятельные разделы*, а некоторые совершенно не нашли упоминания? Приведем неполный список с также неполным спектром значений:

а) б) конструкция *да* + аорист в македонском языке (упомянута на с. 40, ср. с. 22), при восклицательной интонации имеющая значение сожаления о нереализованном действии или положении дел (*Да дојдов порано!*);

в) конструкция *да* + аорист в сербском языке *Да не претерасте ли, владико?* (Заголовок в газете «Политика» 3 мая с.г.)

г) условные конструкции *да би сум* + л-причастие в македонском языке;

д) адмиративные *да*-конструкции в сербском языке (*Имам четири пенкала и ниједно да не пише!*);

е) конструкция *да* + футур II в сербском языке, имеющая дубитативное значение (*Да не буде куда утекао с оним новцем?*).

6) В чем причина нерешенности в диссертации большинства вопросов о *частотности* функционирования исследуемых конструкций в разных типах

контекстов и практически полное отсутствие точных количественных характеристик материала в целом и по отдельным группам форм и их употреблений (исключения, как на с. 22, 28, очень редки; ср. также на с. 108 «Следует отметить, что контекстов с глаголами НСВ в конструкции значительно больше, чем глаголов СВ»).

7) В чем причина и каковы мотивы отказа от решения в рамках именно данного диссертационного исследования вопросов о *дистрибутивных механизмах*, «которые закрепляют за конструкцией определенные подтипы ... значения и блокируют ее использование в других подтипах» (с. 65)? Постановка и решение таких вопросов входит в содержание современной лингвистической работы, в чем автор полностью отдает себе отчет: «Мы сравним функционально-семантические характеристики ДАК 3 лица и *нека*-конструкций и обозначим дистрибутивные свойства, которые делают одну из двух аналитических конструкций продуктивной в том или ином контексте» (с. 83). Тем не менее, в работе достаточно многочисленны оставляющие впечатление недовершенности формулировки:

а) «Уточнение семантико-прагматических различий между двумя формами требует более детального исследования на объемном и стилистически разнообразном корпусе текстов, и решение этих задач выходит за рамки настоящей работы» (с. 75);

б) «...вопрос функциональной и стилистической дистрибуции аналитической конструкции и синтетической повелительной формы остается открытым. Ответ на него может дать корпусное исследование» (с. 80-81);

в) «Анализ стратегий употребления и функций косвенных эвиденциалов в разножанровых типах текста представляется одним из перспективных направлений исследований семантической категории эвиденциальности» (с. 182).

8) Можно ли преодолеть накладываемое эксцерпированным материалом методологическое ограничение, состоящее в том, что для анализа разных категориальных и частных значений и оттенков значений применяется разный набор инструментов, и тем самым предотвратить распад грамматического описания на серию разрозненных, замкнутых в себе очерков (разделов), в которых набор аналитических параметров не сквозной, а общий подход - не исчисляющий и не матричный? Т.е., такой, при котором анализируются не все возможные формальные, семантические, прагматические и др. параметры одновременно, но их *ad hoc* комбинации (где-то видо-временные формы глагола, где-то лексико-семантические классы, где-то отрицание, где-то использование в заголовках, где-то диалогический режим, где-то наличие лексических маркеров и т.д.), что, возможно, отражает полевую организацию грамматических категорий, но уменьшает системность и когерентность грамматического описания. Возможно ли сквозное, исчисляющее все возможные комбинации граммем исследование матричного типа, рассматривающее и учитывающее в итоге все параметры, релевантные для всех подтипов изучаемых конструкций и всех их употреблений?

9) Полностью ли адекватна избранная методология работы всему разнообразию установленных в диссертации фактов македонского и сербского языков? Каковы причины отказа от эксплицитного последовательного применения формального трансформационного экспериментального метода и системы тестов (трансформаций) на интонации, на формальные характеристики (отрицание, порядок слов, комбинации *да* и различных временных форм глагола, видовые трансформации (СВ/НСВ), пассивизация (с. 84), независимый и зависимый синтаксический тип, вопрос и проч.), на семантические характеристики, на функциональные спектры, на лексические маркеры (частицы, междометия), и на тип текстового режима (диалогический или нарративный) и проч.? Чем

обосновывается отказ от обращения к лингвистическому эксперименту, конструированию примеров и предъявлению их говорящим для разносторонней оценки в условиях фактического отсутствия полноценных корпусов обоих языков? Например, можно было бы установить, грамматичны ли независимые эвиденциальные да-конструкции в примерах вроде гипотетического *Да сум му кажел*. Ср. понимание автором важности трансформационного подхода: «Исследование взаимодействия эвиденциальности с модальными значениями ДАК делает необходимым обращение к контекстам с зависимыми ДАК, поскольку пересказанное повеление трансформирует независимый тип конструкции в зависимый, если эксплицитно указывается источник информации» (с. 182).

Достаточен ли для решения всех поставленных задач исследования собранный лишь методом эксцерпции из письменных источников языковой материал?

10) Не заслуживают ли отклонения от нормы полного грамматического анализа (например «Отсутствие дублирования *да* при однородных предикатах в составе ДАК выходит за рамки литературной нормы, однако иногда встречается: *Господ да те чует и почует!* (В. Малески «Разбој»)), с. 21).

11) Имеются ли примеры того, что материал македонского и сербского языков не просто иллюстрируют известное обобщение лингвистической типологии, но позволяют уточнить, исправить или даже опровергнуть его? Т.е. можно ли выйти за рамки типичного для диссертации обобщения вроде следующего: «Конструкции в протазисе, описывающие потенциально выполнимое условие, в независимой позиции будут маркировать гипотетическую оптативную ситуацию; конструкции с контрфактивным значением (осуществление условия оценивается как невозможное) в протазисе, оказавшись в изолированной, независимой позиции, будут маркировать контрфактивные пожелания. Описанная корреляция свойственна и оптативным ДАК в сербском и македонском языках» (с. 145).

При самой высокой оценке работы необходимо высказать некоторые серьезные критические замечания, поистине глубоко огорчительные для труда такого высокого теоретического и информационного уровня.

1) Описание и подробная характеристика использованных источников в тексте диссертации отсутствуют полностью. Недостатком оформления является то, что примеры обычно не маркированы как македонские или сербские (см., например, на с. 76, 105).

2) Не красит работу ряд стилистических и терминологических небрежностей. Например с. 52 «на это указывала и И.Грицкат в придаточных следствия». На с. 94 читаем: «Обе конструкции в двух языках функционируют как изоморфные в контексте нейтрального, нестрогого повеления». Речь идет все же не об изоморфизме, а об изофункциональности.

3) Сюда же отнесем ряд иных недочетов в формулировках, например неразличение функций языкового знака и характеристик внеязыкового мира в формулировке на с. 52 «необходимость в описании союзных функций балканского *да* и семантического своеобразия вводимых им ситуаций» (по нашему мнению, союз ситуации, находящиеся во внеязыковом мире, не вводит). Аналогичный случай на с. 49: «ДАК в примере *каузирует* называемое глаголом действие» (ср. на с. 61 «Под **каузацией** обычно понимают импульс со стороны говорящего к совершению или прекращению действия или изменению состояния»). Анализируются и классифицируются факты языка или факты внеязыкового мира? Или оба мира целенаправленно и осознанно последовательно не различаются?

4) Редко, но все же встречаются противоречивые формулировки, ср. «Оптативные глагольные конструкции не описывают желание говорящего, а экспрессивно выражают его эмоцию» (с. 147) и «Оптативные высказывания обозначают «чистое» желание говорящего без попытки каузировать

действие, тем самым они отличаются от близких им повелительных высказываний» (с. 135).

5) Удивляют многочисленные ошибки перевода, см. некоторые: с. 53 *зачу* - *услышали*; с. 55-56 *да □ се закануваше* со *пиштоли* - *если бы угрожал ей пушкой*; с. 85 *A Rusi predstavljaju izbeglice* - *А русских представляют беженцы*». Авторы переводов по большей части не указаны (редчайшие исключения на с. 32, с. 55, сноска; с. 145). Принципы авторского перевода и его единицы следовало эксплицировать.

6) Совершенно недопустимы многочисленные опечатки, среди которых: с. 21 «презенс от глаголов»; с. 40 «*Адам немаше видено победна наслеба*»; с. 48 *мы трактует*; с. 52 «*изъяснительного союза да*, проанализированном в п. 1.1»; с. 52 *соответсует*; с. 70 «*Не трепитесь по чаршии*»; с. 116. *с'м туј го казвам пред когото и да итеш*; № 243 в библиографии - *императиве*. В греческом примере на с. 148 □*на ка □ ме □ с □ m □ n* *συμβασιλε □ σωμεν* по небрежности допущено смешение греческих и латинских графем. Опечатка и в фамилии Душко Витаса.

В целом, работа несомненно выиграла бы, если бы была выполнена с филологической тщательностью и вниманием к букве.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 10.02.03 – «Славянские языки» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Кикило Наталья Игоревна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.03 – «Славянские языки».

Официальный оппонент:
доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник
ФГБУН Института лингвистических исследований РАН

СОБОЛЕВ Андрей Николаевич

14 мая 2021 г.

Специальность, по которой официальным
оппонентом защищена диссертация:
10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

Адрес места работы:
199053, г. Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9,
Институт лингвистических исследований РАН
Тел.: +7(812)328-16-12; e-mail: iliran@mail.ru

Подпись сотрудника
Института лингвистических исследований РАН
А. Н. Соболева удостоверяю:

С. Соболев
А. Н. Соболева